

АНДРЕЙ ФУРСОВ

В РОССИИ КАПИТАЛИЗМ — НЕ ПРОГРЕСС, А РЕГРЕСС...

“Крым и Украина — не столько причина, сколько следствие изменившейся в 2008–2012 годах мировой ситуации, поставившей перед правящим слоем РФ вопрос ребром: или медведь не отдаёт свою тайгу, или медведя насадят на рогатину”, — говорит историк и социальный философ Андрей Фурсов, объясняя конфликт Кремля с Западом. О том, есть ли у российского протестного движения классовая основа и почему в борьбе за власть в Кремле между внешторговцами, МВД, военными и криминалом победили чекисты, Фурсов рассказал в интервью “БИЗНЕС Online”.

1

“Навальный — мелкая разменная монета. Она закатилась под стол и доставать её никто не собирается”

— Андрей Ильич, среди российской элиты в последние годы распространена практика замалчивания и постепенного вычёркивания из российской истории её революционных страниц, начиная от табуирования 7 ноября как бывшего “красного дня календаря” и заканчивая превращением 1 Мая, Дня труда, в его антипод: в день безделья и начала длинных “майских каникул”. Насколько успешно, на Ваш взгляд, прогрессирует эта общественная амнезия?

— Можно сколько угодно игнорировать 1 мая или 7 ноября, изобретать сомнительный с точки зрения исторических фактов День единства (сомнительный, поскольку 4 ноября 1612 года никакого единства в русском стане не было, к тому же поляки сдались именно 7 ноября), стыдливо завешивать Мавзолей Ленина во время Парада Победы и “забывать” во время этого парада Верховного главнокомандующего Иосифа Сталина, поливать грязью советское прошлое — всё напрасно. Ни революцию, ни Ленина, ни Сталина из русской истории не выбросить. И не только потому, что это великие события

и великие личности, не только потому, что из истории вообще трудно выбросить что-либо великое, но и потому, что Россия имманентно вне- и антикапиталистическая страна, а следовательно, события и личности, которые воплощают и выражают эту имманентную суть, органически встроены в русскую (и в мировую) историю. СССР, советская эпоха, Сталин превратятся – уже превращаются – в мировую легенду. И поделаться с этим ничего “буржуины” не смогут. А вот то, что связано со “строительством капитализма”, тем более воровского, криминального, ублюдочного – лица, структуры, события – для подавляющей массы нашего народа всегда будут чем-то неправильным, презираемым, стыдным. Я, разумеется, не ставлю в один ряд предпринимателя и “буржуина”.

– **Ещё в Кремле любят повторять тезис, что “Россия исчерпала свой лимит на революции”. Но так ли это?**

– Исчерпала ли Россия лимит на революции? Этого никто не может сказать. Чиновникам, “буржуинам” и властям предрержащим хотелось бы, чтобы исчерпала. Однако История, особенно русская, – дама коварная. Она, как Архип из “Дубровского”, в любой момент может сказать: “Как не так”, предварительно запалив дом и заколов двери. Тем более что, как писал американский социолог Баррингтон Мур, революции, особенно великие, рождаются не из победного крика восходящих классов, а из предсмертного рёва класса или слоя, над которым вот-вот сомкнутся волны (буржуазного) прогресса. В РФ тех, на ком уже почти сомкнулись волны кланово-олигархического квазикапитализма, до хрена и больше. Другое дело, что в России капитализм – не прогресс, а регресс, энтропия; что в социуме, в отличие от начала XX века, не так много молодёжи. Однако никто не гарантирован от исторических сюрпризов. Гроздь социального гнева зреют. Когда они созреют и кто их сорвёт – вот в чём вопрос.

– **Скептики уверяют, что теперь на смену эпохе революций снова пришла эпоха “подковёрных” дворцовых переворотов.**

– Да, дворцовый переворот – это не революция. Так называемые “цветные революции” – никакие не революции, а политические перевороты. Донбасс, Приднестровье, Белоруссия – всё это зоны, куда западные супостаты могут нанести удар украинской дубинкой. Однако удар удару рознь: внешнее давление ведь может сплотить власть и народ, к тому же украинский опыт – хаос, разруха, превращение де-факто в колонию – у всех перед глазами.

– **Но можем ли мы считать “оппозиционного блогера” Алексея Навального современным революционером? Некоторые готовы провозгласить его чуть ли не “Лениным наших дней”, а навалынистов – новыми большевиками. Дескать, “оппозиционер № 1” также вернулся со своими соратниками в Россию через Германию, как когда-то “вождь мирового пролетариата” прибыл на Родину в “пломбированном вагоне”. И хотя сам Навальный вот уже более двух месяцев находится под стражей, его команда регулярно организует всероссийские акции протеста.**

– Конечно же, Навального и его сторонников ну никак нельзя сравнивать с большевиками, а прилёт “гульфлик-фюрера” – с возвращением Ленина в Россию в пломбированном вагоне. Как можно сравнивать околполитическое ничтожество, бездаря и неудачника с создателем партии нового типа (профессиональных революционеров) – мощнейшего организационного оружия XX века, величайшим политическим конструктором, главой государства, который “... в черепе сотней губерний ворочал, людей носил до миллиардов полутора... взвешивая мир в течение ночи...” (цитата из поэмы Маяковского “Владимир Ильич Ленин”. – Прим. ред.)? А Навальный что взвешивал? Тридцать сребреников, которые ему платили кураторы в стране и за рубежом?

– **Хорошо, предположим, Алексей Навальный – никакой не революционер. В одном из ваших интервью вы назвали его “чёрной меткой”, которую Запад выслал нам синхронно с инаугурацией Джо Байдена. Эта “чёрная метка” выслана лично Путину или всей России?**

– “Чёрная метка” отправлена одновременно лично Путину, его окружению, путинскому режиму и России в целом. Но Навальный ни с чем не мог справиться – он мелкая разменная монета; она закатилась под стол и доставать её никто не собирается. “Рим предателям не платит”.

“Как заметил Бжезинский, если ваша элита держит деньги в наших банках, вы уверены, что это ваша элита?”

– Тем не менее, трудно отрицать, что в России сформировалось протестное движение. Интересно, какова его классовая основа? Те, кто собирался на “маёвки” в царской России более сотни назад, всегда готовы были ответить, что они выражают интересы рабочих и крестьян (хотя среди профессиональных революционеров преобладали интеллигенция и дворяне). В таком случае, кто составляет социальную базу для Навального и его сторонников? Только лишь старшеклассники и студенты? И вообще, какова, по вашему мнению, классовая структура современного российского общества и есть ли в нём классовая борьба?

– Чтобы ответить на этот вопрос, сначала надо разобраться с вопросом о социальной структуре и социальной природе постсоветского общества. В своё время Юрий Владимирович Андропов (генеральный секретарь ЦК КПСС в 1982–1984 годах. – **Прим. ред.**) сказал: “Мы не знаем общества, в котором живём и трудимся”. С тех пор прошло почти 40 лет, но в изучении природы и базовых противоречий советского общества профессорско-профанная наука, будь то её западный сегмент или компрадорский постсоветский (компрадор – буквально: посредник между глобальными рынками и национальным капиталом. – **Прим. ред.**), не продвинулись, а единичные работы общей картины не меняют. Не лучше, опять же за исключением единичных работ, обстоит дело и с анализом постсоветского социума. Место реального анализа часто занимают либо мифы о России и Западе (фарсовый повтор споров славянофилов и западников, придумавших такую Россию и такой Запад, которых в реальности не существовало), либо представления о должном (государственно-патриотическом или либеральном), которое проецируется на настоящее. Исходя из должного анализируют сущее, настоящее. Для “патриотов” должное – это нередко сталинская система, которую на самом деле нельзя реставрировать. Для “либералов” – Запад (который уже вовсе не Европа и даже не Запад), и тогда всё сводится к наложению на российскую реальность западных идеологов и теорий – образец запредельной тупости и интеллектуальной импотенции. При этом реальный политико-экономический, основанный на научной методологии анализ российской реальности, идущий от объекта исследования, а не от внеположенных ему реалий и “номенов”, отсутствует. А начинать надо с простых констатаций типа: “А король-то голый”.

– То есть нынешнее российское общество до сих пор щеголяет без классового одеяния? Оно ещё даже не оформилось в страты и сословия?

– Очевидно, что как процесс социум РФ – это самовоспроизводящееся разложение советского общества и утилизация его ресурсов определённым слоем, усугубляемые мировой системой эксплуатации и кризисом мировой капиталистической системы.

Является ли постсоветский социум **системой** – вопрос дискуссионный. Дело в том, что система – это совокупность элементов, связанных между собой в пространстве и времени, включённая в более крупную систему. При этом система определяется главным образом внутренними, а не внеположенными ей регулярностями и закономерностями. Если эта совокупность определяется в большей степени внешними факторами, то это уже не система, а **образование**. В зависимости от угла зрения, социум РФ может рассматриваться и как система, и как образование. Только один пример: правящий слой (а это образующий элемент) интегрирован в постзападный мир по линиям банковских вкладов, недвижимости, проживания семей, учёбы детей, ценностных ориентаций – вульгарно-материалистических по своей сути: “...ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше” (Мф. 6: 19–21). Американский политолог Збигнев Бжезинский по этому поводу заметил (передаю смысл): если ваша (эрэфская) элита держит деньги в наших банках, вы уверены, что это ваша элита? О зависимости Российской Федерации в качестве сырьевой периферии от капсистемы ядра я уже не говорю. Бытие РФ и в качестве системы, и в качестве образования затрудняет и усложняет его теоретический анализ, то есть включение эмпирических фактов в ту или иную теорию. С теориями же – беда.

После 1991 года, когда вместе с марксизмом выплеснули и теорию вообще, в Россию хлынул мутный поток третьесортных западных экономических, социологических и политологических теорий, которые, как “тришкин кафтан”, начали натягивать на советское и постсоветское общества. Третьесортность была связана, помимо прочего, с тем, что сама западная наука об обществе в 1980–1990-е годы переживала всё более обострявшийся кризис. При взгляде на постсоветское российское обществоведение вспоминается мысль Николая Михайловского (теоретика русского народничества. — Прим. ред.) об интеллектуальной жизни Российской империи конца XIX века: Россия, писал критик, подобно служанке, донашивает за госпожой вышедшие из моды шляпки. А ведь до сих пор во многих вузах, считающихся продвинутыми и престижными, социологию и политологию преподают именно как пересказ западных теорий, причём некритический. И горе-преподавателей не смущает, что эти схемы сам Запад уже не объясняют, не говоря уже о незападном мире.

3

“Господствующий слой РФ не является капиталистами. В капитал их средства превращаются за границей”

— **Но вы говорите о теории, а в ней неизбежны сложности. Неужели и практика российской жизни выглядит не менее запутанной?**

— Конечно, есть ещё одна сложность в адекватном анализе постсоветского общества, связанная уже не с теорией, а с реальностью. Суть в следующем. Существуют два процесса — первоначального накопления капитала и капиталистического накопления. Первоначальное накопление капитала не является капиталистическим (это вообще внеэкономический процесс экспроприации собственности — от огораживаний в Англии XVI века до систематического пиратского ограбления, например, англичанами испанских колоний в Америке), но выступает его необходимым условием. В ядре капсистемы на Западе процесс первоначального накопления предшествовал капиталистическому, а вот на периферии и полупериферии, в колониях и полуколониях они развивались одновременно, в синхроне. Более того, здесь процесс первоначального (то есть некапиталистического, внеэкономического) накопления нередко деформировал, уродовал или даже блокировал процесс капиталистического накопления. Эта ситуация хорошо изучена на примерах Латинской Америки второй половины XIX века, Французского Индокитая в 1870–1940-е годы, рьяда азиатских и африканских стран XX века.

Но именно такая ситуация деформации в большей или меньшей степени характерна для РФ после 1991 года. Достаточно вспомнить известные, неоднократно фиксировавшиеся в СМИ факты: приходит к власти в той или иной области новый губернатор или в том или ином городе новый мэр — и с чего они начинают? Правильно, с передела собственности бенефициаров “правления” прежнего губернатора/мэра, членов его семьи, клиентеллы. Это и есть первоначальное накопление капитала, внеэкономическое по своей сути, поскольку его основа и средство — административный ресурс, то есть власть.

— **У нас это обычно именуют коррупцией. Той самой, с которой все якобы борются — от Навального до Кремля.**

— То, что называют коррупцией в РФ, тоже нередко выполняет функцию первоначального накопления капитала. Здесь нужно сделать две оговорки. Во-первых, то, что мы называем российским капиталом, нередко превращается в таковой лишь за пределами РФ — на мировом рынке, в офшорных зонах, откуда возвращается в страну чаще всего как иностранный капитал, нередко вырождаясь — и в РФ, и за её пределами — в богатство.

Во-вторых, то, что мы называем коррупцией, таковой ни в советском, ни в постсоветском обществе не является. Коррупция по определению есть использование публичной сферы в целях частной сферы. В СССР частной сферы как таковой не существовало. За словосочетанием “коррупция в СССР” скрывается обмен власти на блага, не положенные тому или иному чиновнику или просто индивиду по его рангу в иерархии. Этот обмен вытекал из одного из

трёх базовых противоречий советского общества, а именно между коллективным присвоением номенклатурой внеэкономических факторов производства и индивидуальным присвоением (в виде потребления) экономических. Снималось это противоречие посредством иерархически-ранжированного потребления на всех уровнях. Однако чиновник, в том числе номенклатурный, — тоже человек, и, как правило, ему хотелось иметь благ больше, чем положено по рангу. Средством был обмен власти на блага в виде покровительства, крышевания теневой экономики, более частых, чем положено по рангу, поездок за рубеж и т. п. Это касалось всех сфер — от партноменклатурной до хозяйственной и научно-образовательной вплоть до мелочей (пример: 1980-е годы — завсектором в академическом институте в обмен на написание текстов для директора института ездит в загранкомандировки на уровне замдиректора, однако в очередной загранкомандировке завсектором отказано, поскольку это будет уже уровень директора).

— **Но в постсоветском обществе, я думаю, всё иначе?**

— Здесь формально и публичная, и частная сферы существуют. Повторю: формально. И с формальной точки зрения, теоретически можно говорить о коррупции. Однако реальность более сложна, это вам не теннис, а сквош (игра с мячом и ракеткой в закрытом помещении. — **Прим. ред.**). Если весьма высокопоставленные начальники признают, что коррупция у нас — системно-образующий элемент, то есть не отклонение, а норма, значит, это уже не коррупция, а нечто иное. Если отношение и норма меняются местами, тогда то, что считалось отклонением, и есть норма для этого общества, его **положительная** характеристика, и исходя именно из этого его следует анализировать. Значит, то, что внешне, с точки зрения схем, отражающих реалии буржуазного общества, есть коррупция, в нашей реальности, в реальности нашего — во все не буржуазного, несмотря на наличие компрадорской буржуазии, — социума коррупцией не является. Это, как и в советском случае, обмен власти на блага или, если угодно, на важный ресурс, причём не обязательно материально-вещественный. Мы имеем дело с системно, иерархически обусловленным социальным обменом услугами или вещественными факторами, причём таким обменом, который конституирует социум, обеспечивая его воспроизводство и воспроизводство власти, привилегий и благосостояния господствующего слоя. Слой этот не является буржуазией — она и в капиталистическом обществе появляется не сразу: всякий буржуа — капиталист, но не всякий капиталист — буржуа. Так называемые буржуазно-масонские революции эпохи 1789–1848 годов были направлены не против феодализма (это один из мифов либеральной и марксистской науки, точнее, их вульгарных версий — феодализм окончательно умер за время “длинного XVI века”, в 1453–1648 годах, а во многих местах Запада ещё раньше), а против землевладельцев и аристократов — операторов мирового рынка, то есть функциональных капиталистов.

Не является господствующий слой РФ, строго говоря, и капиталистами, по крайней мере, в самой стране и для неё. В капитал, как уже сказано, их средства превращаются за пределами Российской Федерации. С точки зрения политэкономии это очень специфический, гибридно-уродливый, странный слой. Но не менее странным является и общество, в основе которого — переплетение первоначального накопления с капиталистическим, то есть перманентное первоначальное накопление. В таком обществе **перманентно** не может сформироваться устойчивая социальная структура — “призрачно всё в этом мире бушующем”: призрачная собственность, как сказал бы Маркс, призрачная коррупция, в ряде отношений — призрачная власть. Социальный результат политэкономического наложения двух типов накопления — “общество-каша”, общество без чётких социальных групп, не говоря уже о группах и слоях-для-себя, то есть обладающих определённым самосознанием, “правительственным преданием”, как сказал бы историк Василий Осипович Ключевский, чёткой идентичностью, а следовательно, пониманием своих социально-особых целостных (а не суммарно-индивидуальных) интересов. Ничего этого у постсоветской верхушки — так называемых олигархов, полу- и четвертьолигархов — нет. Они не конституируют никакого единого целого. Это сумма кланов и индивидов, причём ни одна из временных коалиций не выражает интересы слоя. Это во многом напоминает ситуацию российской знати первой трети XVIII века, когда “верховники” пытались повернуть свою “затейку” — ограничить приглашаемую на русский трон Анну Иоанновну, а следовательно, самодержавие кондициями,

то есть условиями. “Затейка” провалилась, “верховники” не получили поддержки, поскольку не выражали никаких интересов, кроме узкоклановых. Они, как писал другой замечательный историк Сергей Михайлович Соловьёв, жили “особно, без сознания общих интересов... единства не было никакого, следовательно, не было никакой самостоятельной силы”. С поправками на эпоху — в том числе на подклочённость — различных олигархических групп в качестве клиентеллы к разным фракциям мировой верхушки — это и ситуация РФ начала XXI века.

— **Значит, все эти группы, живущие “особно”, не конституируют класс?**

— Конечно. Да и в связи этим провисает вопрос о классовой основе нынешнего протестного движения в РФ. Дело в том, что классы формируются только в капиталистическом обществе, окончательно оформляются только в его буржуазном ядре в XVIII–XIX веках, а уже в конце XX века, не говоря о начале XXI века, вступают в полосу разложения. Классы формируются на основе экономических производственных отношений, то есть обмена рабочей силы на овеществлённый труд. И когда на основе адекватной капитализму индустриальной системы производства этот обмен становится доминирующим типом производственных отношений, капиталистический характер приобретают и другие формы собственности, например, земельная, чиновничество становится бюрократией (то есть воплощает функцию капитала), а капиталистическая собственность обретает тенденцию к максимально возможному совпадению с капиталом. Ничего этого в РФ не наблюдается. Да, имеет место обмен рабочей силы на овеществлённый труд, но этот тип отношений не конституирует систему в целом, она, как и в советское, и в досоветское время, властцентрична. Поскольку и экономические отношения, и рынок здесь суть функции власти, классы даже при объявлении частной собственности и интеграции экономики в мировой рынок здесь находятся в состоянии самовоспроизводящегося генезиса — их можно сравнить с королевой из “Алисы в стране чудес”: чтобы стоять на месте, ей нужно всё время бежать. В нестрогом, метафорическом смысле это полуклассы (в строгом смысле “полуклассов” не бывает).

4

“К столетию Октябрьской революции пирамида новой власти отстроилась. Это означало конец постсоветской эпохи”

— **Я так понимаю, здесь мы подходим к вопросу власти в России вообще и в РФ в частности?**

— Именно так. Половинчатость, о которой идёт речь, связана не только с политэкономией двух типов накопления, но и со спецификой власти в РФ, которая внеэкономически деформирует процесс социогенеза парадоксальным образом в том же направлении, что и экономические, “капитало-накопительные” факторы. Власть в России всегда была автосубъектной, то есть властный субъект стремился не допустить появления других субъектов, в лучшем случае это были “субъекты по поручению”, “субъекты по доверенности”. Более того, эта власть выступала социальным демиургом: она творила, создавала социальные группы и, если они подходили к опасной для неё черте формирования из “вещи-в-себе” в “вещь-для-себя”, либо сбрасывала их в “Тартар Истории” (боярство), либо максимально ослабляла их в социальном, но не в экономическом плане (дворянство). Ну, и поскольку власть эта была внеэкономической, то группы, творимые ею, были не классами, а сословиями. И дворянство, и даже купечество, и крестьянство было государевыми сословиями, служебными чинами, которые несли каждый свою службу. В СССР номенклатура не могла превратиться ни в класс, ни в сословие, но уродливо эволюционировала в обоих направлениях сразу, что и стало одной из причин разрушения СССР и демонтажа советской системы (“эвакуация режима”) частью этого слоя в союзе с определёнными кругами Запада.

— **В Российской Федерации этот процесс продолжился?**

— Запущенные в 1990-е годы “рыночные отношения”, которые в реальности представляли собой экспроприацию населения, внеэкономический передел государственной (социалистической) собственности и в значительной

степени изъятие её Западом, а также криминализация общества в конце 1990-х годов подвели РФ и сложившуюся в ней власть к краху. Чтобы спастись, нужно было поставить уродливые рыночно-экономические отношения хотя бы под какой-то внеэкономический (“государственный”) контроль, который должен был осуществляться определёнными группами в борьбе с другими группами – по Николаю Заболоцкому: “Жук ел траву, жука клевала птица, // Хорёк пил мозг из птичьей головы, // И страхом перекошенные лица // Ночных существ смотрели из травы”. “Ночные существа” – это население, со страхом и апатией наблюдавшее, как четверть века различные группы (забегая вперёд, отмечу: так и не оформившиеся в сословия, оставшиеся полусословиями) выясняли отношения. Причём ядром, образующим элементом всех групп были аппараты власти – либо формирующиеся новые, либо остатки прежних. Именно аппараты, а, например, не партии. Уж если КПСС не была партией, то есть корпорацией публичного права, то уж постсоветские “партии” тем более. Партии – формы буржуазной системы власти, и то с начала XX века они, как и парламенты, и другие формы “внешнего контура”, стали функциями второго, “закрытого контура” – клубов, лож, комиссий. Что касается “партий” постсоветской эпохи – это околовластные машины, организующие существование и деятельность различных групп господствующего слоя в соответствии со степенью доступа этих групп к распределению ресурсов. Формировалась эта “схема” в течение почти четверти века, причём не в борьбе партий, а совсем иначе.

Давайте вспомним. Вот какую картину набросал мне однажды информированный участник событий тех лет, которые с высоты сегодняшнего дня кажутся почти что “временами очаковскими и покорения Крыма” (речь, естественно, не о 2014 году). В течение последней четверти века борьбу за место во властно-ресурсной периферии вели следующие группы:

– внешторговцы, тесно связанные с Первым главным управлением (ПГУ) КГБ в советское время и с СВР – в антисоветское. Именно Внешторг в 1970–1980-е годы внёс большой вклад в подключение советской номенклатуры к мировому рынку;

– эмвэдешники – чекисты – военные – криминал.

Сначала наибольшую угрозу возникшему на хилых рахитичных ножках, обладавшему сомнительной легитимностью, которую подпирали некоторые случайные внутренние и неслучайные внешние обстоятельства, ельцинскому режиму ситуационно представляли внешторговцы, а потому он позволил триумвирату чекистов, криминала и военных отодвинуть и ослабить “внешторг”. Затем чекисты и военные зачистили криминал (под “криминальной революцией”, которая, как считается, началась 10 февраля 1988 года перестрелкой в Люберцах, черту подвёл дефолт августа 1998 года). Орудием зачистки были эмвэдешники и перебежавшие на их сторону бандиты (герой одного из криминальных сериалов, бывший бандит, ставший полицейским, на вопрос коллеги: “Зачем пошёл в менты?” – ответил: “Присоединился к самой крутой банде”). Следующей на сброс “командой” были военные (история генерал-майора Льва Рохлина, прошедшего Афганистан и Чечню и ставшего оппозиционным политиком в Госдуме 2-го созыва. По свидетельствам близких, планировал произвести военный переворот в стране и свергнуть Бориса Ельцина и его антинародное правительство. В ночь на 3 июля 1998 года был найден убитым на своей подмосковной даче. – **Прим. ред.**). Затем чекисты и эмвэдешники задвинули – на этот раз почти окончательно – “разведвнешторговцев”, что нашло отражение в отставке правительства Евгения Примакова. Впрочем, в данном случае был конкретный дополнительный ударный фактор по отношению к данной ситуации – “посторонний притягивающий элемент”, как сказал бы физик. Есть информация о досье на российского премьер-министра, вовремя подсунутого президенту прямой агентурой США из ближайшего – ближе некуда – окружения Ельцина. В досье были выпячены практически все возможные проколы, которые выстраивались в систему: сотни раскрытых агентов РФ на Западе в бытность Примакова директором Службы внешней разведки (СВР) при его победных реляциях; неудача в решении иракского вопроса; распевание песни из “Вестсайдской истории” с Мадлен Олбрайт и под это пение – подчёркивание невмешательства в дела НАТО в югославском конфликте даже в случае интенсивных бомбардировок. Удивительные коллизии случались (и, наверное, случаются) в РФ: прямая агентура

слёсьтивалась с агентурой влияния целыми кланами, при этом выставляя себя патриотами России.

(Бывшая госсекретарь США Мадлен Олбрайт так вспоминала об этом совместном пении с Примаковым: “В промежутках между трудными обсуждениями балканских и иракских проблем мы придумали собственную версию “Вестсайдской истории”. Мы назвали её “Восточно-Западная история”. Мы вместе написали слова и репетировали под водку – под большое количество водки. Когда пришло время выступать, я вышла на сцену и запела: “Самые прекрасные звуки, какие я слышала, – это звуки твоего имени – Евгений, Евгений, Евгений”. А он запел в ответ со своим сильным русским акцентом: “Я встретил девушку – её зовут Мадлен Олбрайт”. У нас получился настоящий хит”. – **Прим. ред.)**

После отставки примаковского правительства в финале борьбы группировок “встретились” чекисты и эвзвездешники – второе издание конфликта андроповского КГБ и щёлоковского МВД с тем же результатом. Чекисты, как мы знаем, одержали верх. Началась ликвидация активов тех групп, которые потерпели поражение (ЮКОС или же структуры Ашота Егиазаряна – бывшего думского депутата и крупного предпринимателя, ныне живущего в США и находящегося в федеральном розыске). И хотя не всё в порядке было в “королевстве чекистском” (“войны спецслужб”, противостояние “чекистов-воинов” и “чекистов-торговцев” – вспомним известную статью генерала Виктора Черкесова <https://www.kommersant.ru/doc/812840>), в целом к столетию Октябрьской революции, к 2017 году пирамида новой власти отстроилась. По сути, это означало конец постсоветской эпохи.

5

“Образование по схеме “тупой и ещё тупее” призвано не позволить появиться тем, кто представляет для системы главную угрозу”

– Знаменитая статья Черкесова о “чекистском крюке”, за который, падая в бездну, зацепилась Россия, была опубликованная ещё в октябре 2007 года. Как говорят, она стала эхом мебельного дела “Трёх китов”, в котором столкнулись лбами многие упомянутые вами кланы. Но вся эта борьба мало похожа на классовую.

– Конечно, борьба названных выше групп и их аппаратов как квазиинституты (“квази” – поскольку в них формальное было перемешано с неформальным) была чем угодно, только не классовой и не сословной борьбой типа противостояния казачества и дворянства (вкуче с купечеством) во время Смуты начала XVII века. Более того, эта борьба за место в иерархии нового социума, иерархии, властные этажи которой различались объёмом полномочий, доступом к ресурсам и контактам с иностранным капиталом, тормозила, если не блокировала развитие как сословий, так и особенно классов.

Можно сказать, что уродливо рождённые полуклассовость и полусословность нейтрализовали друг друга, создавая возможность преимущественного развития только одного типа интереса – аппаратного. А у этого интереса, как известно, мысли коротенькие, как у деревянного Буратино, хватают их только на настоящее, в лучшем случае – на настоящее продлённое – Present Continuous, – но никак не на будущее: “Есть только миг, за него и держись!” Результат – воспроизводство в РФ позднесоветской аппаратности, только в усечённо-деградационном, с утратой профессиональных навыков советской управленческой школы, с одной стороны, и равноправного отношения с Западом – с другой, то есть ныне это “труба пониже и дым пожиже”. Как классовость, так и сословность – враги аппаратности, недаром после бунта декабристов Николай I перешёл от сословно-дворянского преимущественно к аппаратному принципу формирования власти с упором на внесословную и уж тем более не классового типа группу разночинцев.

Автосубъектная власть даже в её нынешнем, стремительно деградирующем состоянии не способна породить институты, вместо этого – комиссии, чаще всего временные и чрезвычайные. Когда аппаратность подменяет не только сословность, но и институциональность как принцип (аппарат – это

институт, но особого, конкретного типа), социальная борьба наверху вырождается в ведомственные дрязги и интриги, как это имело место между Министерством финансов и МВД в Российской империи в самом конце XIX – начале XX веков, весьма способствуя расшатыванию царского режима.

Есть ещё одна причина того, что в РФ не формируются (или формируются с серьёзными деформациями) классы/сословия. Прежде чем назвать её, отмечу три закона:

1) закон Винера – Шеннона – Эшби: управляющая система (управляющий блок) должна (должен) превосходить по мощности и сложности управляемую систему;

2) закон Анохина – Бира: управляющая система должна быть способна к опережающему прогнозированию развития управляемой системы и изменениям внешней среды (закон сформулирован на основе идеи опережающего отражения действительности теории функциональных систем Анохина и модели жизнеспособных систем Бира);

3) закон Седова – Назаретяна: в сложной иерархической системе разнообразие на верхнем уровне может обеспечиваться за счёт ограничения разнообразия на нижних уровнях, то есть антиэнтропия на верхнем уровне может обеспечиваться сознательной “энтропизацией” (хаотизацией, упрощением) верхами нижних уровней.

– **“Упрощение нижних уровней” – это то, что происходит с нашим народом на протяжении последних 30 лет? Так называемая “дебилизация” населения с целью превратить его в покорный электорат?**

– Давайте посмотрим, что мы наблюдаем в позднем СССР и в нынешнем РФ на примере вышеперечисленных законов? В позднем СССР управляющая система (КПСС) явно не справлялась с ситуацией по нескольким причинам: структура социума становилась сложнее власти и её структуры (нарушение закона Винера–Шеннона–Эшби). Позднесоветский социум с его деиндустриализацией и демодернизацией объективно развивается по линии упрощения. В то же время это соответствует интересам господствующего слоя: он должен быть сложнее по своей организации управляемых масс, которые за последние 30 лет деградировали вместе с обществом. Ограниченные возможности усложнения заставляют верхушку активизировать действие закона Седова – Назаретяна: тормозить развитие управляемых, их социокультурное разнообразие, отсюда – “реформы” науки, образования (о финансовом аспекте “оптимизации” я уже молчу). Ясно, что нынешняя система плохо соответствует закону Анохина – Бира, но это и понятно: полупериферии, к тому же с разрушенными наукой и образованием, трудно прогнозировать изменения ядра системы и системы в целом, но этот закон в данном контексте для нас не столь важен, как первый и особенно третий.

Кстати, представители власти хорошо понимают значение закона Винера – Шеннона – Анохина. Они прямо говорят, что управляемые должны быть менее сформированными, чем управляющие, менее образованными, то есть более простыми. Так, Герман Греф в 2012 году на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге откровенно сказал, что ему страшно слушать о доступе людей к реальной, непрепарированной информации. Как управлять людьми, обратился он к залу, которые осознают свою идентичность, имеют равный с правителями и их аналитической службой доступ к информации – как же можно снимать пелену с их глаз, ведь люди не хотят быть манипулируемыми, а управление – это манипуляция. (Буквально: “Как только простые люди поймут основу своего “я”, самоидентифицируются, управлять, то есть манипулировать, ими будет чрезвычайно тяжело”. – **Прим. ред.**) По-видимому, именно поэтому грефовский Сбер, по сути, не являющийся российской структурой (иностранные компании составляют более 45 процентов в реестре акционеров СБ. – **Прим. ред.**), стремится максимально разрушить систему образования в РФ. Впрочем, разрушение образования – общемировой процесс. Необразованные или плохо образованные пользуются только тем, что им дают, – сами они ничего создать не могут, а потому не опасны для системы. Именно в этом смысле надо понимать фразу Андрея Фурсенко, сказанную им в бытность министром образования и науки, что пороком советской школы было стремление воспитать творца, тогда как нам (властям РФ) нужен квалифицированный потребитель. Говорят, впоследствии он сожалел о сказанном, но тогда почему продолжал свою “реформу”,

которую подхватили преемники? Нет, это системное, “сословно-классовое” решение.

Помимо прочего, образование по схеме “тупой и ещё тупее” (выдающийся американский учитель Джон Тэйлор Гатто определил такой тип образования как “сделку с сатаной”) — это попытка решить для системы важнейшую проблему: не позволить появиться тем, кто представляет для неё главную угрозу, то есть тем, кто способен выйти за её рамки. Попытка негодная: полностью закрытых систем нет, а уж слабо сбалансированная система — просто раздолье для субъекта в его игре с системой, для неучтённого фактора.

В ситуации объективно-системного и сознательно-субъектного упрощения (от управляющих к управляемым) формирование организованностей типа классов и сословий крайне затруднительно. В результате плохо работают формы и механизмы, приспособленные для классовых структур. Следовательно, начинают работать другие механизмы, которые определяются стремлением правящего слоя тем или иным способом решить проблему баланса или, если угодно, “диалектики” соотношения степени своей сложности и сложности управляемой системы (или образования). Эта “диалектика”, в частности, может кое-что объяснить в периоде 2008–2012 годов и в реакции на него; последняя изменила вектор развития в том направлении, которое реализовалось после 2012 года и особенно после 2014 года.

6

“Судьба Каддафи продемонстрировала, что бывает с теми, кто пытается договориться с “большими рыбами”

— Это период, когда системой “по доверенности” управлял Дмитрий Медведев, а потом в целостности и сохранности вернул её Владимиру Путину.

— Да, как мы знаем, в 2007 году было решено, что следующим президентом РФ станет Дмитрий Медведев, а Владимир Путин займёт кресло премьер-министра. Нового президента должна была благоприятно оттенить мюнхенская речь прежнего президента и создать фон для “взаимовыгодного сотрудничества с Западом”.

Сегодня как-то подзабылось, что на конец последнего десятилетия на территории РФ планировалась реализация нескольких проектов, в которых были непосредственно заинтересованы наднациональные структуры и которые в случае успеха на “российском полигоне” были бы масштабированы за пределами РФ. Это создание международного консорциума по проектированию и строительству интегрального трансевразийского пути; клирингового центра с участием Ларри Финка (биржа торговли ресурсными антидеривативами); семи агломераций со специфической юрисдикцией (нечто похожее на них в качестве “доменов” изобразил писатель Олег Маркеев в романе “Неучтённый фактор”, который, по-видимому, и стоил ему жизни в 2009 году, когда он погиб при невыясненных обстоятельствах).

Ни один из этих наднациональных проектов не был реализован, всё провалилось. Причин несколько. Одна их часть — “нашенская”: всё делалось с размахом и бестолково. Плюс после ухода главного начальника с главного поста “мышки” решили, что можно “в пляс”, и так в “пробежке” “вильнули хвостиками”, что “побилось”, то есть было украдено, не одно, а много “золотых яиц”, и это в значительной степени подсекло проекты. Но, пожалуй, ещё более важным был мировой аспект.

Во-первых, в 2008 году шарахнул мировой экономический кризис. Шархнул настолько сильно, что планы мировой верхушки по отношению к РФ изменились. Раньше, с 1991-го по 2008 годы, разграбление РФ осуществлялось при наличии звена-посредника — новых господствующих групп, представленных на самом веру несколькими олигархическими кланами. Кризисная ситуация продиктовала необходимость либо устранения звена-посредника как избыточного получателя дохода, либо его существенного ужатия (нечто вроде перехода от косвенного управления к прямому или минимально косвенному). Провал наднациональных мегапроектов стал в глазах “хозяев мировой игры” дополнительным резонансом для изменений в “звеньевой схеме”.

Посредничество в качестве звена того, что марксист мог бы назвать “империалистической эксплуатацией”, не только не напрягало господствующий слой РФ, но было одной из основ его существования. И дело не только в том, что происходило включение в иерархическую систему мировой эксплуатации (прежде всего, своей же “зоны” – таким образом решалась задача компенсации недостаточной сложности управляющей (под)системы по отношению к управляемой системе – постсоветскому обществу). При том, что социум РФ как продукт разложения позднесоветского общества утратил значительную степень сложности, ельцинское властное образование, в своих основных чертах продолжавшее существовать, как минимум, первые пять лет XXI века, в силу своей примитивности было проще и слабее общества. Вхождение под внешнее управление, то есть под управление весьма сложной – мировой, на порядки более сложной, чем социум РФ, – системы в качестве её элемента, помимо прочего, с самого начала решало для ельциноидов проблему обеспечения (пусть функционально, а не содержательно) большей сложности по сравнению с управляемой системой. И вдруг выяснялось, что этот промежуточный элемент мировым хозяевам и их управленцам – либо вообще, либо в его нынешнем качестве – не нужен, у них свои трудности. А как известно, большие рыбы пожирают малых. Причём касалось это не только российских господствующих групп, но и многих других, например, арабских.

– **Вы имеете в виду события “арабской весны”?**

– Так называемая “арабская весна” 2011–2013 годов подготавливалась западными структурами до кризиса 2008 года, однако кризис резко активизировал подготовку зачистки элит-посредников эпохи Клинтона – Буша-младшего, эпохи “тучных коров”. Вопрос экспроприации хозяев “молодых денег” встал настолько остро, что 12–13 октября 2012 года на токийской встрече МВФ и Всемирного банка Кристин Лагард открыто призвала к изъятию (то есть экспроприации) “молодых денег”, “накопленных нечестным путём”, прежде всего, торговцами нефтью и обслуживающими их коррумпированными чиновниками. Она заявила о необходимости подведения под изъятие моральной и юридической базы; впрочем, что касается российских олигархов, то всю необходимую базу обеспечили Борис Березовский и Роман Абрамович своими показаниями, когда судились в Лондоне.

Иными словами, если говорить, например, об арабском мире, то тех, кого не зачистили “арабской весной”, ставшей, помимо прочего, переделом наркотрафика в Средиземноморье, предлагалось зачистить по суду. Российские посредники поняли, что “чёрная метка” адресована и им. “Арабская весна” и судьба Муаммара Каддафи ясно продемонстрировала, что бывает с теми, кто пытается договориться с “большими рыбами”. Об этом же свидетельствовала хотя и менее жестокая, но тоже невесёлая судьба египетского президента Хосни Мубарака (был подвергнут уголовному преследованию вместе со своими сыновьями. – **Прим. ред.**). В таких ситуациях уже не до “диалектики сложности”, да и отношения с хозяевами – при всём “уважении” – надо менять. В результате, несмотря на де-факто ультиматум Джо Байдена (бывшего на тот момент вице-президентом США. – **Прим. ред.**) и белоленточную активность, состоялось возвращение Владимира Путина.

Путинское второе восьмилетие у власти оказалось совсем иным по сравнению с первым. Крым и Украина – не столько причина, сколько следствие изменившейся в 2008–2012 годах мировой ситуации, поставившей перед правящим слоем РФ вопрос ребром: или медведь не отдаёт свою тайгу, или охотники её заберут, предварительно насадив медведя на рогатину. Ясно, что рациональный выбор здесь может быть только один. Вот к таким “приключениям” может привести “диалектика сложности”.

– **Следовательно, это и стало настоящей причиной “суверенной” политики РФ – страх, что так называемая компрадорская элита будет поглощена “большими акулами” Запада. А других рыб, кроме компрадоров, в российской мутной воде так и не завелось? Включая классы, которые могли бы стать основой для протеста?**

– С учётом всего сказанного выше, ясно, что классовой в строгом смысле этого слова базы у наличного социального протеста в РФ нет и быть не может, что, кстати, ставит под вопрос возможность на данном этапе классического левого движения. Парадоксально, но, как правило, на улицы не выходят представители “квазисословия по остаточному принципу бюджетников”,

которым, казалось бы, надо выходить первыми. По остаточному, поскольку, в отличие от верхней части социума, связанной с аппаратами, обеспечивающими включённость полукOLONиально-сырьевой экономики в капиталистическую систему (от превращения в колониальную спасает только наследие Сталина–Берия – ядерное оружие), основная масса – бюджетники – функционируют главным образом в качестве фактора, удерживающего “изношенные производственные и другие объекты (в частности – военные объекты) страны от техногенной катастрофы” (Олег Маркеев). Бюджетники – это воплощение социальной стабильности на низком, упрощённом уровне.

Как правило, протестное движение в РФ носит ситуационный характер, связанный нередко не столько с производственными, сколько с иными проблемами, например, с экологическими. Другая “основа” протеста – борьба различных фракций, групп, господствующего слоя, которым нужна “массовка”. Наконец, ещё одна “линия протеста”, а точнее недовольства – услуга (“либеральная интеллигенция”) оттеснённых в ходе борьбы групп – бенефициаров 1990-х–начала 2000-х годов. Этим пока что исчерпывается весь список.

Беседовал Валерий Береснев